

А.А. ДМИТРИЕВСКИЙ

Н
Ф
О
Н
А
И
И
С
С
С
У
Р

РУССКИЕ НА АФОНЕ

Очерк жизни и деятельности
игумена священноархимандрита
Макария (Сушкина)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Выпуск 6

Русский Афон

Алексей Дмитриевский

**Русские на Афоне. Очерк
жизни и деятельности игумена
священноархимандрита
Макария (Сушкина)**

«Индрик»

2010

Дмитриевский А. А.

Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности
игумена священноархимандрита Макария (Сушкина) /
А. А. Дмитриевский — «Индрик», 2010 — (Русский Афон)

У каждого большого дела есть свои основатели, люди, которые кладут в фундамент первый камень. Вряд ли в православном мире есть человек, который не слышал бы о Русском Пантелеимоновом монастыре на Афоне. Отца Макария привел в него Божий Промысел. Во время тяжелой болезни, он был пострижен в схиму, но выздоровел и навсегда остался на Святой Горе. Духовник монастыря о. Иероним прозрел в нем будущего игумена русского монастыря после его восстановления. Так и произошло. Свое современное значение и устройство монастырь приобрел именно под управлением о. Макария. Это позволило ему на долгие годы избавиться от обычных афонских распрей: от борьбы партий, от национальной вражды. И Пантелеимонов монастырь стал одним из главных русских монастырей: выдающаяся издательская деятельность, многочисленная братия, прекрасные храмы – с одной стороны; непрекращающаяся молитва, известная всему миру благолепная служба – с другой. И, наконец, главный плод монашеской жизни – святые подвижники и угодники Божии, скончавшие свои дни и нашедшие последнее упокоение в келье родной им по духу русской обители.

УДК 94 (4)

Содержание

От редакции	6
Введение	9
Глава I	14
Глава II	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Алексей Афанасьевич Дмитриевский
Русские на Афоне. Очерк
жизни и деятельности игумена
священноархимандрита
Макария (Сушкина)**

© Издательство «Индрик», 2010

* * *

От редакции

Величие христианства прежде всего в том, что оно дает душе настоящую свободу. Эта свобода непредставима, а лучше сказать, неприемлема для плотского человека. Поэтому реальная история Христианской Церкви часто весьма далеко отстояла от идеального, желаемого. Так, национальный вопрос уже в древней Церкви становится одной из важнейших проблем: «В эти дни, когда умножились ученики, произошел у Еллинистов ропот на Евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей...» (Деян. 6: 1). Это происшествие оказывается настолько серьезным, что апостолы вынуждены ввести в Церкви новый институт – диаконов.

Ни для кого не секрет, что в течение всей истории Церкви национальные разделения народов подрывали мистическое единство христиан. Так было и на Афоне – единственном в своем роде интернациональном христианском государстве. Сама многонациональность Святой Горы делала ее уникальнейшим местом на земле, и в то же время – ареной ожесточенной борьбы за христианские идеалы сил добра и зла. Тем не менее, если говорить о конкретных исторических ситуациях, то следует признать, что на Афоне национальные различия де-факто почти всегда оказывались решающими.

Архим. Макарий (Сушкин) – один из легендарных деятелей Русского Афона в XIX веке. В середине XIX века число русских монахов на Афоне превосходило численность греков, а у русских все еще не было своего монастыря. Историческая ситуация взывала к появлению сильной личности, обладающей авторитетом как среди русских, так и среди греков, для того чтобы духовно остановить «ропот Еллинистов» (Деян. 6: 1), ставящих национальное выше христианского. И вот, греческий Пантелеимонов монастырь в середине XIX века становится первой на Афоне русской обителью, и русское монашество получает официальный статус на Святой Горе. В 1875 году игуменом монастыря был избран русский монах. Этот жребий достался священно-архимандриту Макарию (Сушкину).

В настоящее время в архиве г. Тулы найдены новые материалы, позволяющие исправить ряд неточностей, которые встречаются в очерке, и дополнить историческую правду. Прежде всего, удалось найти документы о рождении и крещении отца Макария, что позволило уточнить дату его рождения. До сего дня считалось, что он родился в 1821 году, точной даты не было известно, но теперь точно установлено, что это случилось 17 октября 1820 года в Туле. Итак, архимандрит Макарий (Сушкин) родился 17 октября 1820 года в семье тульского купца первой гильдии, почетного гражданина города Ивана Денисовича Сушкина и его супруги Феодосия Петровны. В метрической книге тульской церкви Успения Пресвятой Богородицы, что в Павшинской слободе, сохранилась запись о его рождении и крещении. «17 октября 1820 года у купца Ивана Денисова Сушкина родился сын Михаил. Молитвословие родильнице читал и младенца имя рек священник Баженов. Крещен младенец 18 октября. Крещение совершали: священник Василий Баженов, дьякон Емельян Гастев, дьячок Терентий Феодоров, пономарь Павел Лукин. Восприемниками были мещанин Петр Петров Сушкин и мещанская вдова Авдотья Яковлева Сушкина»¹.

Тульские архивы содержат более подробные сведения о семье отца Макария. Его отец, Иван Денисович Сушкин, родился в Туле 22 января 1786 года, венчался с дочерью умершего купца Петра Степановича Сушкина девицей Феодосией (родилась 8 мая 1788 года) 9 июня 1810 года в церкви Успения Пресвятой Богородицы в Павшинской слободе Тулы. Поручите-

¹ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 256. О. 1. Д. 2820. Л. 173.

лями при венчании были купец Иван Петрович Сушкин (брат Феодосии) и дяди Ивана Денисовича по отцу – Егор Осипович Сушкин и Николай Осипович Сушкин².

У Ивана Денисовича Сушкина было трое детей. Первый сын Василий родился в 1814 году (скорее всего, родился не в Туле, данных о его рождении в приходской книге нет), был женат на Ольге Ивановне, имел трех детей: Василия 1839 г. р., Ивана 1847 г. р., Елизавету 1849 г. р.

Второй сын Иван родился 17 апреля 1816 года в Туле, крещен в приходской церкви, жена Вера Федоровна.

Третий сын Петр родился в 1826 году (как и Василий, родился, скорее всего, не в Туле, так как сведений о нем нет в приходской метрической книге).

Семья Михаила Ивановича относилась к числу самых зажиточных в Туле. Его дед Денис Осипович Сушкин владел крупной щетинной фабрикой – предприятием по производству сортированной щетины, которая шла только на экспорт, в Санкт-Петербургский порт, и приносила владельцу десятки тысяч рублей чистой прибыли в год. Помимо этого, семье принадлежал еще и воскобелный завод. По сохранившимся историко-статистическим исследованиям того времени известно, что здесь ежегодно выбеливалось воска на 150 тысяч рублей. Патоку и вошину Сушкины скупали в Курской и Тамбовской губерниях, чистый мед продавали в Москву, а выбеленный воск в Санкт-Петербургскому порту. В начале 1830-х годов Денис Осипович вместе с сыновьями Иваном и Кондратом открыли Торговый дом, который вел все торговые операции тульских купцов в Санкт-Петербурге, совершая сделок на 10 миллионов рублей в год. Все это состояние по наследству перешло к старшему сыну, Ивану Денисовичу Сушкину³.

Вся большая семья Сушкиных жила в доме на ул. Ново-Павшинской в Туле (теперь ул. Коминтерна, 4), этот дом сохранился и признан памятником истории и культуры регионального значения. В квартале от дома размещалась церковь Успения Пресвятой Богородицы, прихожанами которой были родители Михаила Ивановича. Иван Денисович Сушкин много лет служил здесь церковным старостой. В 1811 году благодаря его пожертвованиям удалось преобразить храмовый придел во имя святителя Николая Чудотворца, в 1812 году на его средства был построен новый придел во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радости». В 1814–1816 годах Иван Денисович Сушкин финансировал строительство многоярусной колокольни. На ней имелось 7 колоколов, самый большой – весом в 218 пудов. В 1845 году Иван Денисович Сушкин открыл при храме приют для одиноких стариков. Строительство обошлось ему в полторы тысячи рублей серебром, но для сравнения: только на покупку серебряной церковной утвари он пожертвовал 7 тысяч, а на нужды бедных прихожан – 17 тысяч рублей⁴.

Но при этом глава семьи – Денис Осипович Сушкин – оставался в стороне от этих богоугодных дел, так как сам относился к числу раскольников. Как свидетельствуют биографы отца Макария, между его православными родителями и дедом-раскольниковым был серьезный разлад в отношениях, и сыновьям Ивана Денисовича пришлось в свое время сделать непростой выбор.

Кроме записи в метрической книге о мирском периоде жизни отца Макария в Туле сохранился еще один архивный документ, где упоминается его имя. Это церковное свидетельство, которое 12 марта 1850 года И. Д. Сушкину выдал приходской священник о составе его семьи. В декабре 1849 года И. Д. Сушкин победил на местных общественных выборах и стал тульским городским головой и председателем Тульской городской Думы, то есть занял высший пост в местном самоуправлении, еще более упрочив положение своей семьи в тульском обществе. Из этого документа известно, что у Михаила Ивановича было три брата: старшие Васи-

² Данные из метрических книг прихода (ГАТО. Ф. 256. О. 1. Д. 2820. Л. 129).

³ *Липк И. В.* Города Тульской губернии. Ч. I. Историко-статистический взгляд на города Тульской губернии. Тула, 1841. С. 113–114.

⁴ *Троцкий Н. И.* Святые храмы города Тулы. Тула, 1888; Тульские епархиальные ведомости. 1868. № 16.

лий и Иван и младший Петр. Наиболее близкие отношения его связывали с Иваном и Петром, причем эти связи поддерживались и в период, когда Михаил Иванович принял монашеский постриг⁵.

Из воспоминаний биографов Сушкина известно, что в 1851 году Михаил упросил отца отпустить его в паломничество по святым местам, он мечтал попасть на Афон. Иван Денисович сына отпустил, но с условием, что тот вернется домой. Безусловно, глава семьи рассчитывал, что Михаил вместе с братьями продолжит семейное дело, но был вынужден согласиться с выбором сына. Как известно, молодой Сушкин приехал на Св. Афон 3 ноября 1851 года, а 27 ноября был пострижен в схиму. Стремительное развитие событий объясняется смертельным недугом, который сразил молодого паломника. Его состояние казалось настолько безнадежным, что умирающего послушника постригли в схимонашество немедленно, не ожидая никак, что он не только скоро окрепнет и встанет на ноги, но и принесет много пользы принявшей его обители.

22 февраля 1853 года отца Макария рукоположили во диакона, через два года с небольшим, 3 июня 1856 года, – во иеромонаха. А 20 июля 1875 года отец Макарий был торжественно избран игуменом Пантелеимонова монастыря. При этом присутствовали экзархи Константинопольского Патриарха: высокопреосвященный митрополит Никейский Иоанникий и митрополит Деркийский Иоаким. Отец Макарий стал первым русским настоятелем православной обители на Святой Горе.

Тульская родня приняла выбор Михаила Ивановича и оказывала большое содействие его деятельности по укреплению русской общины в Греции и в строительстве московского подворья монастыря. По завещанию И. Д. Сушкина часть его многомиллионного состояния была завещана монастырю. Щедрое пожертвования делали в пользу монастыря и родные братья отца Макария – Иван и Петр.

Их отношения были не только родственными, но и деловыми. Часть финансовых средств монастыря лежала на счетах Тульского городского общественного И. Д. Сушкина банка, которым управляли братья Иван и Петр Сушкины. 24 июня 1886 года Тульский окружной суд по предложению особенной канцелярии по кредитной части министерства финансов признал этот банк банкротом. До разорения крупнейшее кредитное учреждение Тулы довели махинации братьев Сушкиных. Убытки кредиторов измерялись в 1 847 000 рублей, в число обманутых вкладчиков попал и Русский на Афоне Пантелеимонов монастырь, потерявший при крахе банка 70 тысяч рублей. По приговору Московской судебной палаты Иван и Петр Сушкины получили по 6 лет сибирской ссылки и, смеем предположить, даже не смогли проводить в последний путь родного брата⁶. Отец Макарий преставился ко Господу 19 июня 1889 года.

Мы уверены, что архимандрит Макарий (Сушкин) как историческая фигура еще не оценен по достоинству. Такой человек подобен высокой горе: стоя у подножия, невозможно видеть вершину, и только отойдя достаточно далеко, человек может охватить взглядом всю гору целиком. Должно пройти достаточно времени, чтобы потомки могли оценить по достоинству таких личностей, как архимандрит Макарий. Настоящая книга – первый опыт возвращения к истокам русского национального самосознания.

Василий Гирин, Ирина Парамонова

⁵ ГАТО. Ф. 518. О. 1. Д. 7199. Л. 50.

⁶ ГАТО. Ф. 21. О. 4. Д. 15. Л. 30–30 об.; Ф. 156. О. 1. Д. 11. Д. 10. Л. 18.

Введение

Архимандрит о. Макарий (Сушкин), игумен Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне

Неоднократное путешествие на Святую Афонскую Гору, долгое пребывание там, жизнь среди своих соотечественников-монахов, как в обителях Св. Горы, так и на их гостеприимных подворьях в Одессе и Константинополе, – все это весьма тесно сблизило нас с насельниками Св. Горы, дало возможность нам основательно познакомиться не только с отдельными выдающимися представителями их в данное время, но, насколько это было возможно для нас, и изучить характер, быт и состояние современного русского афонского монашества вообще. Плодом этих наблюдений является предлагаемый читателям историко-биографический очерк жизни и деятельности приснопамятного старца игумена Русского Пантелеимоновского монастыря на Афоне о. Макария (Сушкина), неожиданно скончавше-

гося 19 июня 1889 года. Светлая личность покойного о. Макария, пользовавшаяся большой известностью и глубоким уважением не только на Святой Горе Афонской и в пределах своего отечества по самым отдаленным его окраинам, но и за пределами их, в странах иноверных, уже по этому самому заслуживает со стороны русских людей, которых он горячо любил и для которых он в своей жизни жертвовал всем, что ему было дорого, особенного к себе внимания и признательности, слабым выражением которых имеет быть настоящий очерк его высокоподвижнической и истинно-патриотической деятельности. Но личность о. Макария дорога нам и потому еще, что она является живым олицетворением высокого идеала афонского иночества.

Но так как личность покойного игумена Русского Пантелеимоновского монастыря на Афоне, наделенная от природы богатыми сокровищами ума и сердца, слегка лишь раскрытыми религиозным воспитанием своей матери, создавалась и всецело образовалась на афонской почве, под сильным влиянием гениальной личности не менее известного в летописи русского афонского монашества покойного духовника того же монастыря о. Иеронима, то отсюда явилась настоятельная необходимость дать место характеристике и этой замечательной личности. Призванный в Русский Пантелеимоновский монастырь покойным игуменом греком Герасимом и греческой братией в 1840 году со скромным званием «духовника» русских иноков этого монастыря, о. Иероним так искусно повел свое дело, что в короткое время устроил крайне расстроенные монастырские финансовые дела; привлек в монастырь много русских иноков и дал им все необходимые средства к прочному их существованию в этой обители на Святой Горе. Мудрый духовник достиг этого не столько тем, что он обеспечил материально своих соотечественников, но более всего тем, что он воспитал для них беззаветно преданного делу и себе самому вождя-игумена и подготовил ему нужных деятелей, сотрудников, с которыми можно было отстоять для себя право существования на Афонской Горе и принести своему отечеству ту посильную пользу, какую оно вправе ожидать от афонских иноков, живущих трудовыми грошами его сынов. Настоящий наш очерк жизни и деятельности о. Макария был бы поэтому не полон и односторонен, если бы мы не отвели в нем видного места характеристике покойного духовника о. Иеронима, первого организатора русского монашества на Афоне, его главного руководителя и если не первого деятеля, то, во всяком случае, инициатора всякого важного дела, касающегося этой общины. Вся деятельность о. Макария, за исключением последних четырех лет, прошла под сильным влиянием о. Иеронима, который был советником и руководителем покойного игумена. Деятельность эта так сливается с деятельностью о. Иеронима, что трудно указать, что принадлежит одному и где начинается деятельность другого. Эти две великие личности афонского иночества, совершенно не сходные по характеру, в жизни и деятельности были так единоклубны и согласны, как бы у них была «одна душа и одно сердце».

Кроме этой характеристики, для понимания нашего рассказа о судьбе русского иночества на Афоне в истекающем столетии мы считаем необходимым дать хотя и краткие, но живые очерки главных деятелей и сотрудников о. Макария. Будучи важными деятелями в судьбе русской иноческой общины Пантелеимоновского монастыря на Афоне, эти сотрудники и сподвижники о. Макария являются в то же время живыми выразителями то этой, то иной стороны высокого идеала афонского иночества, причем эти стороны раскрываются в них с большою подробностью и рельефностью, чем в лице одного человека, хотя бы это была и такая выдающаяся личность, как покойный о. Макарий. В этих конкретных образах, как мы полагаем, высокий идеал афонского иночества напечатлется глубже, цельнее и живее в представлении наших читателей.

Так как жизнь великих подвижников старцев о. Макария и о. Иеронима с их главнейшими сотрудниками была посвящена всецело и беззаветно на служение русской общине в Пантелеимоновском монастыре на Афоне, ее водворению в монастыре, внутренней организации, ограждению от нападков и козней ее недоброжелателей, приобретению его прочного положения на Афоне и в пределах своего отечества, процветанию в ней истинного монашеского

духа и братской любви, как по отношению к своим соотечественникам и единоплеменникам, так и по отношению к иноплеменникам единоверцам и т. д., то посему настоящий биографический очерк жизни и деятельности о. Макария является вместе с тем и историческим очерком образования, развития и жизни этой самой общины за весь период с 1840 года по день кончины этого игумена. Потребность в таком цельном и правдивом очерке кажется нам тем более настоятельной, что в нашей русской литературе, сравнительно довольно богатой солидными в научном отношении дневниками и путешествиями по Афону (например, Плаки-Григорьевича-Барского, преосвященного Порфирия Успенского, архимандрита Антонина и др.), доселе не имеется подобного очерка и для большинства русских людей Афон и судьба на нем соотечественников иноков остаются еще и доселе *terra incognita*⁷.

Принимая на себя нелегкую задачу составления настоящего историко-биографического очерка, мы не ограничивались своими *личными* наблюдениями и впечатлениями, которые как таковые всегда *субъективны*, односторонни и неполны, еще менее мы были доверчивы к устным рассказам очевидцев и современников, к которым мы обращались в весьма редких и исключительных случаях, когда у нас под руками не было более надежных источников, а старались проверять наши наблюдения наблюдениями людей компетентных, ближе нас стоявших к описываемым личностям и событиям и уже *печатно* высказавшихся по тому или иному случаю. Но пред всеми этими источниками всегда отдавалось нами предпочтение документам (в оригинале или копии), какие *случайно*⁸ *попадались нам под руки, письмам, запискам, дневникам, автобиографиям и другим рукописным материалам, которые считаются источниками первой руки. Таким образом, наши источники, кроме нашего личного непосредственного наблюдения над жизнью современного русского афонского иночества, делятся на печатные письменные, причем последние в качественном и количественном отношении весьма значительно превосходят первые. К источникам первого рода мы относим следующие печатные книги и статьи:*

Инок Парфений. Сказание о странствовании и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. М., 1855. Ч. I–IV.

Письма святогорца о святой Горе афонской. М., 1883. Изд. 3. Ч. I–III.

Леонтьев К. Панславизм на Афоне (Русск. вестн. 1873. Кн. IV).

Его же. Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене русского монастыря Св. Пантелеймона на горе Афонской // Гражданин. 1889. № 191, 192, 196, 207, 211, 243 и 246).

Красковский И. Ф. Макарий афонский, игумен и священно-архимандрит афонского св. Пантелеимоновского монастыря. М., 1889.

Известия и корреспонденции газет, русских и иностранных.

Из указанных источников первые два дают нам материал собственно для характеристики личности о. Иеронима и быта русских иноков на Афоне до поселения и сейчас после посе-

⁷ Русская Пантелеимоновская обитель на Афоне принадлежит к числу 20 святогорских монастырей. Живя своею особой самостоятельной внутренней жизнью, в то же время она принимает самое живое и непосредственное участие в делах, касающихся всей Афонской Горы целокупно. Как член Карейского протата или синода (в просторечии кинота), где выдаются подобные дела, Русская Пантелеимоновская обитель на Афоне подает равноправно с остальными обителями Св. Горы свой решающий голос, но зато в тех случаях, когда она сама является нарушительницей общесвятогорских интересов, она становится подсудной и обязана защищаться пред этим судилищем. Вот поэтому-то, приступая к изложению судьбы русской общины на Афоне, нам необходимо было бы для большей ясности в рассказе предпослать очерк внутреннего устройства Св. Афонской Горы, но сделать это мы не могли по следующим соображениям: 1) этот очерк нас отвлек бы далеко от прямой цели и 2) интересующиеся могут составить понятие об этом устройстве на основании обширной истории Афона преосвященного Порфирия Успенского. Для читателей же нашего очерка внеобходимых случаях мы помещаем разъяснения в подстрочных примечаниях к нему и для желающих обстоятельно уяснить себе сущность этого устройства в конце очерка намерены напечатать в I приложении целиком: «Общий канонизм Святые Горы Афонския, составленный Протатом».

⁸ Главный хранитель этих документов – архив Русского Пантелеимоновского монастыря на Афоне – доселе не разобран и не приведен в порядок. При всем нашем желании проникнуть в него, мы получили решительный отказ и поэтому вынуждены были довольствоваться лишь теми документами, которые *случайно* остались на руках частных лиц.

ления их в Русском Пантелеимоновском монастыре. Превосходные статьи К. Леонтьева представляют ценный материал для характеристики главным образом о. Макария, но немало в них можно находить данных и для биографии о. Иеронима. Что же касается книги Н. Ф. Красковского, то, несмотря на всю искренность ее тона и чувства глубокого почтения и уважения ее автора к личности почившего игумена – архимандрита, книга эта не лишена в суждениях односторонности (см. статью К. Леонтьева в «Гражданине») и даже прямых весьма важных ошибок.

Из многочисленных рукописных источников, бывших у нас под руками, на первом месте мы должны, по всей справедливости, поставить сборник покойного иеромонаха Русского Пантелеимоновского монастыря на Афоне о. *Мины* под заглавием: «Описание достопамятных событий». Любопытный от природы, большой начетчик и усердный писака, о. Мина долгое время состоял при покойном игумене о. Макарии в качестве личного его секретаря. По своей любознательности, он переписывал каждую исходящую и входящую бумагу к о. игумену в особую для себя заведенную книгу, куда кроме того попадали и другие бумаги, письма и даже выдержки из газет, так или иначе относящиеся к истории монастыря. Таким образом и составил обширный полулистовой сборник того весьма любопытного, даже интимного материала, который, при другом к нему отношении, навсегда был бы утрачен для истории монастыря. (От того же о. Мины осталось около 30 подобных томов с самым разнообразным содержанием.) Вот какие статьи этого сборника нам оказали несомненно важную услугу при составлении настоящего очерка:

«Газетные клеветы на русских в 1877 году в Константинополе (несколько статей)».

«Происшествие на келлии Одоида и последствия его. События 1877 года в Русском монастыре».

«Серайское дело о распре между настоятелем Андреевского скита архимандритом Феодоритом и братством скита. Переписка с антиприсопом».

«Письма по делу Ильинского скита в 1873 году».

«Воспоминание (о. Мины) о военном времени в 1877 году».

«Дневник собственноручный архимандрита о. Макария».

Это – копия с первой тетради собственноручного дневника о. Макария, веденного им во время его путешествия по Востоку. Отрывок этот содержит в себе некоторые биографические черты о. Макария, его сборы в путешествие, дорогу до Киева и пребывание в нем до выезда в Одессу. В наших руках кроме этого имелись *уже в подлиннике две следующие тетради*, обнимающие жизнь и пребывание о. Макария и его спутников в Одессе, путешествие в Константинополь и описание его достопримечательностей. Последующие тетрадки этого любопытного дневника утрачены.

«Письмо к игумену о. Макарию от иеродиакона (ныне иеромонаха) Алексия о событии в городе Солуни, бывшем с ним 29 августа 1877 года».

«Воспоминания о. игумена Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря священно-архимандрита Макария, в миру потомственного почетного гражданина, Тульского 1-й гильдии купеческого сына Михаила Ивановича Сушкина, записанные с его слов в 1877 году иеродиаконом Миною».

«Воспоминания эти относятся только к семье о. Макария и к его воспитанию школьному и домашнему».

«Переписка о. Макария с русским генеральным консульством в Солуни и с петербургскими благодетелями перед Русско-турецкою войною 1877–1878 годов».

Из другого не менее по объему сборника того же о. Мины для настоящего очерка мы воспользовались «Дневником происшествий в Пантелеимоновском монастыре, начиная с 1853 года и кончая 1884 годом». Впрочем, этот дневник краткий и в нем отмечены лишь важнейшие события, произошедшие в монастыре, а посему для нашей цели мало пригоден. Более важную услугу оказал нам второй подобный дневник с 1840 по 1874 год, в котором

события монастырские за последние годы в самую бурную эпоху монастыря ведутся обстоятельно день за днем. Этот дневник в связи с книгой «По поводу вопроса об афонском монастыре Св. Пантелеймона. СПб., 1874» *анонимного любителя истины* сообщает весьма ценные данные для истории той ожесточенной борьбы, какая в 1874 году и несколько раньше велась в Пантелеимоновском монастыре между монахами греческими и русскими из-за прав на этот монастырь. Упомянутый второй дневник дал нам возможность восстановить эту печальную историю в истинном ее свете.

Для характеристики внутренней религиозной настроенности о. Макария, его чаяний и идеалов в первые годы его монашеской афонской жизни, его отношений к родителям и старцам обители в это время неоцененную услугу оказали нам 22 письма за годы с 1851 по 1856 г., любезно сообщенные нам родным братом покойного о. Макария И. В. Сушкиным, которому мы и приносим за это глубокую благодарность.

В наших руках находились, кроме того, письма о. Макария и Иеронима, адресованные на имя покойного профессора киевской духовной Академии Ф. А. Терновского, находившегося в живой переписке с афонскими старцами и исполнявшего многие поручения их, особенно касавшиеся издательской деятельности Русского Пантелеимоновского монастыря на Афоне. Письма эти переданы нам в собственность покойною матерью профессора Н. Т. Терновскою.

В нашем очерке нередко цитируются и другие письма афонских старцев, писанные ими или собственноручно, или только подписанные их руками и адресованные частным лицам: монахам или мирянам. Письма эти собраны нами на Афоне. Владельцам их мы выражаем нашу сердечную признательность.

Киев. 1892, 18 января

Глава I

Детство о. Макария и его во спитание дома и в школе

Михаил Иванович Сушкин

Род потомственных почетных граждан купцов Сушкиных принадлежал к древнейшим и богатейшим купеческим родам города Тулы и пользовался почетом и известностью не только в родном городе, но далеко за пределами его и даже вне отечества, за границу. Эта богатейшая фамилия едва ли не с прошлого столетия вела уже обширную миллионную заграничную торговлю медом, воском, шерстью, щетиной, кожами и другим *сырцом*. Но несмотря на давность этого рода, воспоминания о выдающихся его представителях удержались в памяти покойного о. Макария не дальше его деда, Дионисия Иосифовича Сушкина, жившего в Павшинской слободе, в приходе церкви Успения Божией Матери.

Прадед покойного о. Макария был человек религиозный, и всех троих своих сыновей, из коих Дионисий Иосифович был старшим, воспитал в духе православия и преданности Церкви Православной, но дед покойного о. Макария не долго оставался сыном Св. Православной Церкви и совратился в раскол. «Дед мой, – рассказывает в своей автобиографии покойный о. Макарий, – бывши около 35 лет от роду, начал заниматься чтением книг Священного Писания и к несчастью не советовался об этом со священниками, и уклонился к толкам разных стариков, которых в то время было очень много и которые толковали Священное Писание, как знали. Пастыри Церкви, как заметно было из слов самого деда, не обращали внимания и не исправляли его ошибок. Таким образом, более и более упражняясь в чтении Св. Писания, он случайно попал на кривотолка, орловского купца, толка перекрещеванцев, приехавшего в Тулу по каким-то делам. Человек чрезвычайно красноречивый и начитанный, хотя и ложно понимавший Св. Писание, он стал отклонять моего деда от Православной Церкви». Красноречивая проповедь орловского апостола произвела глубокое впечатление на Дионисия Иосифовича и в душе он уже перестал быть сыном Православной Церкви. Эта перемена религиозных убеждений скоро же была замечена людьми близко стоящими к Дионисию Иосифовичу, желавшими обратить его в «поповский толк» или в так называемое «старообрядчество австрийского священства». Проповедником идей этого «толка» явился приближенный к Дионисию Иосифовичу доверенный приказчик, который, воспользовавшись частыми отлучками из дому своего хозяина, весьма искусно стал достигать своей заветной цели через супругу хозяина Акилину Васильевну, женщину «неграмотную, но благочестивую». «Своими беседами» приказчик-проповедник успел убедить Акилину Васильевну в превосходстве «поповского толка» пред «толком перекрещеванцев». «Если ты, – говорил приказчик, – не предупредишь своего мужа присоединиться к поповщинскому толку, то он непременно будет перекрещеванец; поповщинский же толк нисколько не имеет разницы с Православною Церковью. Только и разницы, что молятся двоеперстным крестом и порядок соблюдают лучше, чем в церквах мирских. Если не желаешь присоединиться, то хоть посмотри обстановку нашей часовни. Я тебя сам свезу вместо кучера в часовню, где ты можешь взять молитву своему сыну (т. е. сорокадневному Иосифу, последнему сыну) и видеть порядок и благочиние против вашей Церкви». «Бабушка, – по замечанию о. Макария, – поддалась на эту удочку, предполагая, что, взяв молитву в поповской часовне, будет удерживать в этом и своего мужа, что уже нам (т. е. с мужем) нельзя разделяться от своего сына».

Под влиянием этих убеждений своего приказчика, Акилина Васильевна взяла на руки сорокадневного ребенка Иосифа и отправилась в поповскую часовню, где уже с распростертыми объятиями ее принял уже подготовленный приказчиком священник. Стройность и чинность богослужения и богатство обстановки в часовне, в связи с ее личным шатким религиозным убеждением и с мыслью о возможности попасть «в толк перекрещеванцев», все это произвело на благочестивую Акилину Васильевну такое впечатление, что она не только взяла молитву у раскольнического попа и воцерковила здесь своего малютку Иосифа, но тут же выразила священнику свое «благое и непринужденное» желание «исправиться», т. е. перейти совершенно в раскол. Раскольнический священник не заставил просить себя долго и в тот же день ее «исправил», вырвав, как замечает о. Макарий, «добрую овцу из стада» Христова. Все это происходило в отсутствие мужа. Когда возвратился из своей поездки Дионисий Иосифович, то настояла необходимость передать ему о совершившемся факте. Акилина Васильевна упростила своего сообщника-приказчика предупредить мужа, рассказав ему о поездке ее в старообрядческую часовню для принятия сороковой молитвы и о том глубоком впечатлении, какое на нее произвела часовня, а на себя взяла смелость сообщить уже о самом факте присоединения к расколу. Рассказ приказчика не произвел на Дионисия Иосифовича никакого впечатления, и он не придавал этому факту значения, но когда услышал из уст супруги о переходе ее в раскол австрийского священства, то глубоко возмутился и укоризненно прибавил: «Что уж если

переходить, то уж лучше переходить к перекрещиванцам, чтобы не вязаться с попами». Дионисий Иосифович даже прямо настаивал, чтобы его супруга снова «переисправилась», но та наотрез отказалась. Между супругами произошло некоторое охлаждение. Сушкины с этого времени перестали посещать православный храм, но не бывали и в раскольнической часовне, которую не любил Дионисий Иосифович. Акилина Васильевна не бывала в часовне, в угоду своему мужу, боясь доставить неприятность ему. Таким образом, старики Сушкины прожили в течение трех лет, ограничиваясь лишь тем, что в дни великих церковных праздников они вычитывали у себя на дому часы, акафисты и т. п. Такое отчуждение от храма более всего было не по сердцу «благочестивой» Акилине Васильевне, которая, наконец, взяла на себя смелость решительным натиском на своего мужа положить предел такому неопределенному их состоянию в смысле выражения их религиозных убеждений.

На третий год «после исправления», перед самой Пасхой, Акилина Васильевна задала своему супругу такой смелый вопрос: «Вот наступает страстная седмица и мы опять будем *мурлыкать*? – Или пойдем в часовню, или опять в православную церковь, но так я более не буду оставаться». Дионисий Иосифович не дал прямого решительного ответа, и между супругами шли по этому поводу споры. В Великий четверг Акилина Васильевна подошла к мужу и говорит: «Ну прости меня, в чем я согрешила перед тобою; я иду говеть в православную церковь». Эти слова сделали свое дело, и супруги в тот же день молились в старообрядческой часовне австрийского священства. В Пасху посещали часовню, а затем Дионисий Иосифович уже и окончательно «исправился»...

У Д. И. Сушкина кроме упомянутого уже малолетнего сына Иосифа, было еще три старших сына: Михаил, Иоанн и Кондратий и три дочери: Агрипина, Анна и Вера. «Сушкин хотел и всех детей исправить», но этому воспротивилась его супруга. Она заявила, что этого сделать нельзя скоро; нужно выждать время, так как наступала уже пора женить старших сыновей. Старик Сушкин питал крепкую уверенность, что скорее всего перейдет в раскол третий его сын Кондратий, который с 15 лет по торговым делам жил в Орле, где в это время был главный приют разных раскольничьих сект. Здесь, по описанию о. Макария, мужчины стригли себе макушки и на лбу выстригали венчики, женщины ходили в душегрейках и сарафанах с длинными рукавами. Отправляясь на молитву, женщины надевали «холодники» и покрывались платком не на угол, а опуская оба конца по сторонам. Кондратий с распростертыми объятиями был принят в среду старообрядцев, посещал их часовню, читал и пел там на клиросе, и все думали, что из него выйдет настоящий уставщик, но по своему характеру живому и веселому, со своими склонностями быть в обществе, «поухаживать за прекрасным полом, попеть, поплясать и покурить» он не мог помириться с воззрениями старообрядцев и остался навсегда сыном Православной Церкви. Старшие два сына по торговым делам жили большей частью вне дома, а потому об их «исправлении» и мало думали. Что касается дочерей, то все они были, вопреки их воле, присоединены к старообрядчеству и почти насильно выданы замуж за старообрядцев.

Старший сын Дионисия Ивановича Михаил Дионисьевич был женат на Марье Андреевне Маскатиной, на женщине очень умной и по тому времени даже образованной, а второй сын Иван Дионисьевич, отец покойного отца о. Макария, вступил в брак с Феодосьей Петровной из фамилии тоже Сушкиных. Феодосья Петровна была «небольшого роста и средней красоты», происходила из семейства, «приупавшего вследствие торговых невзгод», а посему Иван Дионисьевич не с особенной охотой брал ее себе в замужество. Трижды ходили «на смотрины» и не оставляли шляпы, что, по тому времени, означало согласие жениха на брак, и только в третий раз Иван Дионисьевич оставил свою шляпу случайно, по забывчивости. Впрочем, Иван Дионисьевич не желал выходить из послушания своему отцу, которому хотелось оженить своих сыновей на девушках «из честнейших домов в городе» и притом скромницах, чтобы потом можно было их легче «исправить». От этого брака родились сыновья Василий, Иван, Петр и 16 февраля 1821 года Михаил, в монашестве Макарий.

На третьем году, после рождения сына Михаила, Иван Дионисьевич по торговым делам из Тулы переехал на жительство в Петербург со всем его семейством, кроме последнего сына. Двухлетний Миша был оставлен в Туле у бабушки и прожил у нее почти до семилетнего возраста. Бабушка Акилина Васильевна, не имея у себя в доме других детей, привязалась всей душой к живому, остроумному внучонку и, по любви к нему, снисходила ко всем его шалостям и прихотям. Ребенок воспитывался под надзором няни Марфы, которая, по сознанию самого о. Макария, «любила его, кажется, больше матери и следила за каждым его шагом». С шести лет его засадили за «букварь» под руководством одной крепостной, весьма начитанной женщины, а затем вскоре же заменили его «Часословом», по которому бойкий мальчик начал читать скоро же быстро и толково. Успехи в грамоте радовали дедушку, который постоянно брал с собою своего любимого внучонка в часовню, в надежде, что в будущем он и его «исправит». В этих видах многое он прощал своему любимцу и всячески его баловал. Так как мальчик был большой охотник до лакомств всякого рода, то его карманы всегда были ими переполнены. Зная эту слабость своего семилетнего внука, дед однажды, возвратившись из старообрядческой часовни, начал вести с ним такую беседу: «Нравится ли тебе в нашей часовне?» Бойкий мальчик смело ответил: «Нет, у нас в церкви лучше». «Чем?» – продолжал допрашивать дедушка. Мальчик ответил: «У нас светлее и отворяются царские двери, а у вас нет». Несколько времени спустя после этого разговора бабушка призывает к себе внука и внушает ему: «Дедушка хочет тебя „исправить“, но ты скажи ему, что я без батюшки не смею». На другой день дедушка ведет такую речь к своему ребенку-внуку: «Переходи к нам в часовню, мы тебя будем любить больше других». Внук ответил в смысле внушения бабушки и при этом разрыдался на все комнаты. В скором времени от Ивана Дионисьевича из Петербурга было прислано в Тулу письмо приблизительно следующего содержания: «Батюшка, вы пишете ко мне, что желаете присоединить сына моего Михаила к часовне, то я скажу Вам вот что, за что вперед прошу простить меня Христа ради. Вы разрознили нас с собою и с братьями, о чем мы теперь немало скорбим. Вы предполагали поженить нас и тогда обратить в свою веру, но дела торговые изменили Ваш этот план. Мы остались навсегда разделенными с Вами, ибо не предвидится никакой надежды, чтобы семья могла бы когда-нибудь соединиться вместе. При помощи Божией, дела наши расширились. Если и старший брат Михаил Дионисьевич, находясь так близко от Вас, не имеет времени побывать к Вам, то тем более Вы мне это не позволите, а, между тем, время изменяется. Быть может, моим детям, которых у меня четверо, когда-нибудь придется жить вместе: трое пойдут в церковь, а четвертый или останется дома, или пойдет неизвестно куда. Вы сами имели на опыте: когда перешли в часовню, то братья Вас оставили, что неприятно Вам казалось прежде. Когда мы были молоды и бывали дома, Вы с матушкою уедете в часовню, а мы отправимся в церковь, а пришедши домой, опасаемся друг другу сказать что-либо о торжестве праздника, ибо каждый имел свои понятия. Потому, испытав тяжелое впечатление на себе, я не желал бы, чтобы и сын мой испытывал то же. А так как Вы не желаете уже отпустить его к нам и хотите обучить его грамоте и сделать из него себе помощника, как в Вашей ежедневной службе, так и в делах, то он не изучит своих обязанностей к отцу и матери. Прошу оставить его на время, которое указано будет Богом».

Иван Дионисьевич не сочувствовал намерениям своего отца, как это видно по тону письма, и не прочь был сейчас же вырвать своего малютку, на которого, к слову сказать, доселе не обращалось родителями никакого внимания, но дальность расстояния и неудобства путей сообщения заставили его оставить мальчика на руках дедушки до первого удобного случая. Такой случай вскоре представился, и для мальчика безвозвратно миновала пора счастливого детства, пора раздольной жизни под крылом нежно его любившей бабушки и доброй няни. Не зная своих родителей, живя вдали от них, ребенок сжился с окружающими его лицами, которые страстно были привязаны к нему, сроднился с окружающей обстановкой и не с охотою собирался в Петербург к своим родителям и к своим братьям, с которыми его связывало одно

лишь кровное родство. «Мне весьма не хотелось» собираться к отъезду, – замечает в своей автобиографии о. Макарий, но не с радостью также расставались с ним бабушка и его няня. Первая «плакала несколько дней», а вторая – «плакала более всех чуть не в голос, обещая навесить ребенка при первом удобном случае».

Из Тулы выехал ребенок вместе с дядею Петром Семеновичем Ложниковым, женатым на Вере Дионисьевне, который ехал в Петербург «для заведения своих дел». Но до Петербурга на сей раз путешественники не доехали. Петр Семенович почему-то раздумал ехать в Петербург и вернулся обратно в Тулу, а мальчик Миша оставлен на время у старшего дяди по отцу Михаила Дионисьевича и прожил здесь в Москве до лета, посещая с своими сверстниками приходское училище у Вознесения, что за Серпуховскими воротами, близ Конной. Летом, после перенесенных потрясений вследствие потери супруги, приехал в Москву Дионисий Иосифович «для исповеди и причащения» вместе с зятем Петром Семеновичем, который на сей раз предполагал привести в осуществление мысль о поездке в Петербург, почему-то, как известно, не состоявшейся почти год тому назад. С этим своим спутником маленький Сушкин и отправился далее в Петербург к родителям.

Холодна и тяжела была встреча сына с родителями, которых он не знал. В своей матери, встретившей гостей на лестнице, он признал лишь «большое сходство с теткою, сестрою матери, девицею Пелагиею, так что почти принял ее за нее». Явившийся в дом отец встретил своего малютку сына официально; поцеловав его, он начал расспрашивать его о здоровье, на что гость отвечал упорным молчанием. Неохотно он отвечал на вопросы своих братьев, облепивших гостя со всех сторон. Его смущение в новой для него семье еще более усилилось, когда он заметил, что братья, слыша частое употребление им слова «энто-то» и видя его неумение держать себя порядочно в обществе, помирали со смеху над ним. Поэтому он долго не мог сойтись с братьями и «дичился» их. Вообще в родной семье он не встретил ни ласк своей покойной бабушки, ни беспредельной любви своей няни, и ему казалось, что он попал «как бы в чужое семейство». Дядя Петр Семенович с которым он приехал, «казался ему роднее всех на свете», а потому весьма естественно на первых порах своей жизни в Петербурге мальчик «одну отраду находит в свидании с дядей, от которого не отступал ни на шаг, когда он бывал дома». Вся обстановка, внешняя и домашняя, чрезвычайно не понравилась новому члену семьи Н. Д. Сушкина: «даже в Москве, по замечанию о. Макария, мне было привольнее, нежели в Петербурге».

Феодосия Петровна, как женщина «набожная» и воспитывавшая своих детей в страхе Божиим и в строгом исполнении всех церковных обрядов Православной Церкви, вскоре после первого же свидания с сыном осведомилась у него о его религиозном воспитании в доме бабушки и, к своему огорчению, нашла, что мальчик не имеет никакого понятия о добрых навыках, приличных мальчику христианской благочестивой семьи. Он не знал наизусть ни одной молитвы, а поэтому его как уже «недурно читавшего по-славянски» немедленно засадили за часослов и не ранее позволили оставить его, как он бойко вытвердил начальные листы его до Символа веры включительно.

Через неделю после приезда в Петербург Миша с остальными братьями стал посещать частную школу⁹, в которой дети обучались пространному катехизису, священной истории Ветхого и Нового Завета, русской грамматике, арифметике, алгебре, бухгалтерии, умению пользоваться логарифмами, языкам немецкому и французскому и танцам. Провинциализмы, приобретенные мальчиком в Туле, вызывали и здесь насмешки со стороны товарищей по школе, и ему не было легче сравнительно с домом, но на его счастье его полюбили за прилежание

⁹ Школа эта сначала находилась недалеко от квартиры Сушкиных, потом переведена была в 5-ю линию Васильевского Острова в дом Макарова на пятый этаж. «Занимались, – по описанию о. Макария, – три просторные комнаты. Первая спальная и кабинет, вторая – библиотека, где нам преподавались уроки, и третья – зала для посетителей и танцевальный класс. Кругом были коридоры, затем большая кухня, где мы обычно оставляли свои верхние одежды».

и успехи учитель и учительница (муж и жена), содержатели пансиона, которые «для учеников были как отец и мать, смотрящие за своими детьми». Обратив внимание на мягкую душу и нежное сердце мальчика и на его прилежание, они приняли его под особое покровительство, защищали от нападок сверстников, мало-помалу исправили его провинциализмы и научили держаться хорошо в обществе. Михаил Сушкин учился хорошо по всем предметам, но ему давалась с особенною легкостью математика, которую он знал «исправно». Успехи в математике примирили отца с сыном, который стал смотреть на Михаила-сына как на будущего хорошего помощника в его торговых делах. Изучал мальчик и языки, и главным образом немецкий, которым не бойко он владел до самой смерти, но отец находил это знание излишней роскошью и прямо запрещал ему. Но сын плакал и украдкой продолжал учиться. Писать каллиграфически он не мог научиться, несмотря на принуждение и наказание, и до смерти почерк его не отличался ни красотой, ни разборчивостью. Танцы мальчик изучал с полной любовью и впоследствии к ним пристрастился в значительной степени, так что, можно сказать, он был страстным охотником до танцев.

Относительно детства, воспитания вне дома и религиозного воспитания дома под руководством матери Феодосьи Петровны о. Макарием сообщаются самые подробные сведения в его автобиографии.

Это воспитание было обычное в начале истекшего столетия в купеческих благочестивых семействах, к сожалению, ныне редко практикуемое и в этом сословии. Ввиду интереса вообще и в частности из желания уяснить себе, под какими воздействиями шло детское и юношеское воспитание о. Макария, мы остановимся со вниманием на этом моменте его автобиографии и сделаем из нее более или менее подробные извлечения.

«Обычно мы вставали, – рассказывает о. Макарий, – ежедневно в 7 часов, потом нас заставляли молиться по лестовке. Этим заправляла покойная наша матушка. Нас собирали в гостиную, где была ее благословенная икона Владимирской Божией Матери. Там она становилась сзади, а мы все впереди. Каждый должен был сотворить крестное знамение и поклон прилично; рассеянность, невнимание к делу были наказываемы чем-либо или прибавлением какой-нибудь молитвы или отнятием одного сухаря за чаем или целой чашки чаю. По окончании молитвы мы приветствовали родителей с добрым утром, и потом собирались к чаю отец, мать и нас четверо. Нам давалось по две чашки чаю или по три, кто хотел, но не больше, в скоромные дни – три сухаря, а в постные – белый хлеб тоже по три ломтика. Затем отправляли нас в школу, с человеком. Пришедши в школу после приветствия учителя и его жены, исключительно двое мы (т. е. еще брат его Петр Иванович) обязаны были прочесть кафизму Псалтири. Это [делалось] по настоянию отца, чтобы мы, занимаясь другими науками, не забывали и слова Божия. Потом принимались за свой урок, заданный на дом. Таков был обычай. Из арифметики мы должны были подать задачу какому-нибудь старшему ученику, который проверял ее и, если находил верною, докладывал о исправности, за что получали одобрение и затем был заслушиваем заданный урок из катехизиса и ли грамматики, если же арифметическая задача была не исполнена, то над нею продолжали трудиться. Затем приближалось время обеда. В 12 часов мы обедали. Почти все мальчики оставались обедать в школе, хотя некоторые и недалеко жили. Тут мы иногда появлялись с обедом, у кого что есть лишнее. У нас было обычно каждому половина франзали, если день скоромный – мясо: телятина или птичье, весьма редко бифштекс, пузырь молока и еще что-нибудь, или пирожное или фрукты, а в постный день полхлеба, по куску рыбы и икры. Потом нам давалось погулять час. Под нашими окошками был запустелый садик, в котором мы собирались и играли в „гуси-лебеди“... К 2 часам все собирались в класс, и сейчас начиналось чистописание под диктовку... и продолжалось писание 2 часа. Остальной час задавались задачи. Кто учился рисованию, тот что-нибудь чертил. В 5 часов или 5½ мы распускались. Приходя домой с человеком, который тоже за нами приходил, мы должны были отдать отчет о своем учении. На это были даваемы особые записки каж-

дому из нас – одобрительные или нет: конечно, по этим запискам мы и принимались с похвалой или бранью. После того давался нам чай в таких же порциях, как утром, и – после – если было лето – давались ка кие-нибудь ягоды по чайной чашке. Потом принимались за уроки или отделку своей задачи. Если удавалось ее скоро кончить, то мы успевали еще выйти на балкон и погулять. В 10 часов садились кушать. Умеренность соблюдалась всегда, и разговаривать, кроме отца и матери, никто не мог, разве когда спрашивали кого о чем. И если замечалась какая-нибудь шалость, то тотчас же дела лось увольнение из-за стола. Покушав, мы опять отправлялись на молитву, в сопровождении матушки. А батюшка, хотя и с нами молился, но поспешно, от этого у них нередко были перебранки с матушкой: она его упрекала в поспешности, а он ее в медленности.

Квартира наша была на Васильевском острове в первой кадетской линии, между малым и средним проспектами. В доме купца Голубина, в приходе церкви Св. Екатерины, возле самой церкви. Каждое воскресенье летом к всенощному бдению мы обязаны были ходить и становиться вместе с отцом, что нам очень не нравилось. Зимой будили нас к заутрени, к которой в особенности я всегда лениво вставал, за что нередко оставался без утреннего чаю. На ранней литургии мы постоянно бывали, где, по обычаю, подавались две просфоры: одна за здоровье, другая за упокой и с громадным поминанием.

Круг лета или года мы проводили следующим образом. Начнем с Великого поста. Первый день нас будили к заутрени. Приходя от оной, мы отправлялись в школу. У часов и вечерни мы не бывали. В этот день мы почему-то приходили домой кушать, но чаю (утром) нам не давали. Вечером, когда мы приходили из школы, в этот день все ощущали головную боль. Когда мы собирались к чаю, то на столе были мед и изюм и смоквы (инжир). Изюм был двух сортов, и мы преусердно подсаживались к нему. В эти дни не давалось заповеди, сколько пить чаю, и мы, пользуясь разговорами, усердно пожирали находящееся на столе... Матушка обычно во всю первую неделю кушала единожды, зато стол довольно сытный, почти вовсе не постный. Сухари с квасом, редька, грибы белые маринованные и черные шармованные и два блюда: горох и щи. Вечером был суп картофельный или рисовый, потом какое-то тесто сложенное и каша сладкая. Фруктов никаких не давалось до самой субботы и ничего сладкого. Субботы мы ожидали с величайшим нетерпением, в которую пек лись блины и делалась грибная икра. Мы отправлялись в школу сытые и все время дремали. А если кто дозволит себе за блинами шалость, тому давались блины не с маковым маслом, а с конопляным, отчего прозвали их „зелеными блинами“. Конечно, попавший под опалу не мог есть без привычки, а довольствовался чем успел прежде. Во все воскресные дни Великого поста мы ходили ко всем службам церковным. К вечернему чаю мы собирались все вместе, за которым нам давали орехов грецких, миндальных и простых, а иногда делалось миндальное молоко, которого я ожидал как праздника.

Со второй недели утром рано начинался чай и по обычаю хождение в школу. Обед и ужин всегда с маслом, кроме среды и пятка. Нередко на второй неделе нас заставляли говеть вместе с матушкой и уже тогда мы неопустительно ходили ко всем службам. Из школы к часам ходили в церковь Благовещения, а в среду и пяток в свою приходскую церковь св. Екатерины. В пятницу после обедни в школу не ходили. Когда приходили прощаться с отцом, он давал нам наставление, которое можно назвать скорее бранью: все бывшие шалости вспоминались в подробности. В нашем приходе был священник Иоанн Мелиоранский, наш же туляк, которого мы уважали и любили. Пришедши от исповеди, по окончании всех служб, кушать нам не давали. Чай мы пили с условием в какую-нибудь будущую среду или пятницу не пить чаю, ибо нам казалось, что мы не вытерпим. За исповедь мы давали священнику по рублю серебром. Я обыкновенно старался исповедоваться утром, и священник не тяготился этим.

Приобщались мы все у ранней литургии, причем много ставили свеч к образам, и обычно полагалось бутылка вина и пять просфор в алтарь. Мы все становились на левый клирос, где не было певцов, а только одни причастники. Это делала матушка для того, чтобы лучше

выслушивать службу. По приобщении Святых Таин, если была поздняя литургия, матушка оставалась, а мы уходили, чтобы застать отца, когда он не ушел по делам. Пришедши домой и напившись чаю, дожидались матушку. В этот день нам масляного почти ничего не давали, опасаясь, как бы, после недельного поста, не было дурно. В этот день нас заставляли читать что-нибудь из Божественного Писания, и день этот проводился особенно благоговейно.

Затем следовали обычные дни. По какому-то обычаю матушка отгавливала в следующую неделю. Нам только позволялось приходить в среду и пяток к литургии преждеосвященных. Так как к нам не мало ходило монахов и монахинь и носили просфоры, которые все собирались к посту, (то теперь) и съедались в большом количестве, облитые горячей водой, но никак не чаем. Белого хлеба к утреннему чаю, икры и рыбы не давалось во весь пост, кроме субботы Лазаревой, когда давалась икра, и в день Благовещения и Вербное воскресенье – рыба. Постом хранилась особенно пятница Благовещенская, когда и вечером не давалось хлеба...¹⁰

Страстная седмица проводилась так: если кто-нибудь говел из нас, то должен был являться к литургии прежде освященных, а кто не говел, то довольствовался утреней, затем ходили в школу. В среду отпускались с разными наставлениями от учителя, который говел всегда на Страстной седмице. Остальные дни: четверток, пятницу и субботу мы ходили ко всем службам неопустительно. Всю неделю мы кушали без масла, а в пятницу – один раз после выноса плащаницы, также и в субботу после литургии. Хотя и бывала тогда ранняя литургия в субботу, но после нее не позволялось кушать. Пришедши от литургии и напившись чаю, мы преспокойно отправлялись с отцом в противолежащую лавку для покупки десерта. Кто был взят в эту лавку, для того составляло верх блаженства, ибо можно было хоть потихоньку полакомиться. Пришедши из лавки и напившись чаю, все погружались в глубокий сон, кроме меня. Я убегал в церковь не Деяния читать, но посмотреть, немножко помолиться и расставить свечи, которые мне поручались. Сим поручением я очень интересовался. Окончивши поручение, я приходил домой. У нас уже начинали подыматься к заутрени.

Одевшись во все новенькое, мы уходили к утрени с отцом, где, пользуясь многолюдством, мы убегали в алтарь и там в числе самых знаменитых прихожан рисовались вперед и. Мое удовольствие было по христосоваться прежде домашних со священнослужителями и видеть всю церемонию: как начиналась утренняя, как совершалось каждение и т. п. По окончании утрени мы оставались на раннюю литургию. Все это оканчивалось к трем часам утра. Обычно в то время в Петербурге начиналась утренняя к 12 часам, что возвещалось 101 выстрелом в Петропавловской крепости, чего мы ждали с нетерпением, так же как и окончания литургии. И что за неописанный восторг был за этой утренней! Едва ли он повторялся когда-нибудь в возрасте. Это было лет до 15. Пришедши от литургии, мы христосывались со всеми и разговлялись. К этому [времени] были приготовлены и артос, и крещенская святая вода, потом антидор и просфоры и затем разговлялись. При этом давалось наставление всегда есть как можно меньше, но мы все в конце Пасхи всегда делались нездоровы. Пасху проводили почти всегда дома, никуда не выезжали, разве куда-нибудь отправлялись в прогулку, а иногда втихомолку и к качелям на Адмиралтейскую площадь. Всю Пасху мы ходили по всем службам, которые отправлялись весьма скоро. А что нас занимало, то это – крестный ход кругом церкви каждый день с артосом после литургии, а в субботу – после утрени. Тогда уже ранней литургии не бывало, но поздняя, по случаю раздачи артоса, который мы считали за непременно получить, хотя нам присылали его (т. е. на дом). С первых дней отец мой, которому делалось много визитов, и сам ездил, но мы ограничивались одним учителем.

¹⁰ По этому поводу о. Макарий рассказывает в своей автобиографии не лишенный интереса для его характеристики факт. «Голод заставлял, – пишет он, – прибегать к непозволительному средству брать из стола просфоры и кушать, что не утаилось от зоркого глаза няни брата Петра Ивановича и было передано покойной матери. В добавок к нестерпимому голоду мне не дали ужинать, вследствие чего я был *очень раздражен и, несмотря на свой десятилетний возраст, делал большие возражения матери и плакал*».

После Пасхи мы отправлялись каждый по своим делам. Так проходило до мая месяца. Мы, кроме школы, никуда не ходили, разве только когда проходил лед по Неве, тогда мы ходили смотреть на оный. С мая нам позволено было ходить па Смоленское кладбище с нянькою.

В один из таковых, чая этой прогулки, мы с братом Петром очень разрезвились. Я нечаянно ударил его няню и при том сказал: „Какая ты толстая!“. Это было донесено отцу, который до того оскорбился моими словами, что не пустил меня на Смоленское кладбище, оставил дома, запер в темный коридор до прихода моей матери от поздней литургии, которая, пришедши и увидав меня в таком положении, пошла к отцу спрашивать и, переговорив там между собою, меня вывели из затвора и посадили на целый день читать Псалтирь, предварив многими наставлениями при горьких моих рыданиях. Известно, как чтится день св. Николая в России, но и на это не обратили никакого внимания. Пришли братья мои, и, увидав меня в таком положении, младшие этим очень поразились. Быть может мне бы и дали обедать, но так как виною был старший брат Василий Иванович, донесший отцу о моих словах, то я не упустил случая высунуть ему язык и сказать: „ябедник“, что было опять донесено и получено за оное две пощечины и совершенное оставление без обеда. Когда покончился обед и все улеглось, до тех пор я читал громко Псалтирь, и когда легли спать, то за мной поставили надзор брата Ивана Ивановича, у которого я попросил что-нибудь покушать. Он мне отказал в этом, боясь преследования Василия Ивановича, да и сам был недоволен, что я позволял себе дерзость в словах, однако [потом] в кухне достал хлеба и отправил меня в темный коридор, где я сидел, [чтобы] там [я] покушал, ибо там никто не ходил. Наскоро поевши, я обратился опять читать Псалтирь, которую продолжал до 4-х часов дня. Когда подали чай, то позвали брата Ивана Ивановича и спросили: сколько кафизм я прочитал? Он отвечал: шестнадцать. Пошло испытание – не пропустил ли я? После многих опять истязаний с разными наказаниями (т. е. наставлениями) я был прощен. Затем дали чаю и кусок хлеба. Всего тяжелее для меня было, как я помню, делать поклон брату Василию Ивановичу. Мне непременно хотелось сделать ему какую-нибудь гримасу, но так как все здесь были собраны, то и не удалось. Так строго смотрели за нами.

В праздники у нас все было изящное. Утром давали кофе, которого я терпеть не мог. В это время я бегал поговорить с приказчиками, которые и собирались только раз в неделю в ожидании кофе. Затем подавался чай. Я отправлялся пить оный, ибо братья были уже сыты. К обеду весною приготавлилась какая-нибудь зелень, соус, напоследок блеманже и пирожное. К вечерни, если никого не бывало из гостей, нам давали что-нибудь из лакомств: летом ягоды, а когда их нет, то орехи.

Я гораздо больше [других] истреблял всевозможные лакомства. Избалованный этим, я не удовольствовался тем, что нам давали, хотя, если бывали гости, нам уделяли всякого десерта по (большой) части, а также и варенья. Но для меня всего этого не доставало. Я прибегал к постыдному ремеслу – красть. Если не находил ничего в шкафах, в таком случае я уже брал сахар и ел. Однажды узнав, что брат Иван Иванович не съедает своего лакомства, а собирает в сундук, стоящий у нас под кроватью и принадлежащий ему, я преспокойно достал его спрятанные гостинцы и ел, пока не опорожнил всего. Когда же брату Ивану Ивановичу захотелось полакомиться, он открывает сундук и не находит ничего. Тогда он с воплем крепким бежит к матушке жаловаться, что опустошен его сундук. Тотчас подозрение пало на меня. И так как я отказывался, то положено было спросить прислугу. Но когда пришел с биржи отец, то преспокойно порешил, что это работа моя. Сколько я ни отказывался, обижаясь на подобные подозрения, но отец порешил привязать меня веревкой к кровати, где стоял сундук. А между тем спросили-таки прислугу, из числа коих один донес на меня, что я ему давал из этих гостинцев. Вследствие этого я был оставлен без чаю и ужина. В другой раз вследствие постового голода на первой неделе поста я наелся пряников, называемых жамками, за что понес много неприятностей в особенности от брата Василия Ивановича, который на подаваемой еженедельно от учителя записке о нашем поведении написал две буквы: „Б. Ж.“, что означало: „блю-

дечко жамков“. Почему учитель вопрошал: что это написано? После многих изветов я, наконец, признался учителю, который не похвалил распоряжения домашних – морить детей голодом.

В день Святой Троицы, так как не бывает ранних литургий, то мы спали более обыкновенного, а между тем отец посылал покупать березок, рябины, которые покупались в большом количестве для квартиры нашей, и пуки цветов, которые мы все развязывали, отбирая самые лучшие для отца и матери. К этому кто-нибудь приносил [еще] из сада. Мы связывали как себе, так и прислуге и отдавали каждому, а сами расставляли березки по комнатам. Затем в 10 часов начинался благовест. Мы отправлялись в церковь, и при этом нам давалось наставление, чтобы каждый букетик был облит слезами. На вопрос: „зачем?“ отвечали: [затем,] „что Бог дал дожить до весны и что все устроено для человека, как настоящий праздник, так и цветы, которые нас увеселяют“. Конечно, при чтении молитв Пятидесятницы [мы] старались как-нибудь выжать хоть одну слезинку, чтобы, пришедши от литургии, сказать об этом. Церковь тоже убиралась разными деревцами. Эти оба дня мы проводили празднично. Обычно нас ни на какие гулянья не отпускали, то мы довольствовались гуляньем на балконе нашей квартиры, ибо мимо нас обычно ездила публика на острова, как то: Крестовский, Елагин и другие. Иногда мы ходили к кому-нибудь из знакомых наших в гости, где есть сад, но это утешение получалось весьма редко...¹¹

29 мая у нас праздновался день именин матери. Иногда приглашались гости к чаю, который оканчивался вечернею закускою. Гости были обычно из окружающей среды, сотоварищи по торговле отца, браковщики и иногда иностранцы. Вечер обычно проходил в том, что они играли в карты, а затем расходились. Курить у нас не позволялось, а в то время и курили очень мало. Дом наш посещало мало (народу), так как матушка была очень религиозна, публичные гуляния и театры не посещала, а светские женщины привыкли к рассеянности: и только разговору было о том, что происходило в театре или на гулянье. К нам ездили женщины из девяти домов – шести русских и трех иностранцев и то почти не более двух раз в год: один раз 27 января, в день именин отца, а в другой раз когда-либо с визитом только. Нас брали в 4 места, преимущественно туда, где были дети, с которыми виделись мы тоже не более двух раз в год. Летом обычно мы имели утешение отправляться в Колпино, где чудотворная икона образа св. Николая. Там, отстоявши литургию и молебен, мы отправлялись на водопад, откуда старший брат покупал нам „змея“, и мы наслаждались пусканием „змея“. Затем подавалась карета, и мы отправлялись в Царское село, где подъезжали прямо к царскому саду, гуляли там часа три и, так как мы имели там знакомых, отправлялись из сада пить чай и ужинать. В Царском селе посещали дворец, церковь и все достопримечательности, зверинец. Но это я уже мало помню. Помню, что, по нашему возрасту, нас занимал очень слон, которому при нас давали есть и пить, и лебеди, которые находились во множестве в царском саду. По приезде рассказам, как дома, так и в школе, не было конца. Иногда мы ездили в Сергиевскую пустынь, откуда, тоже после литургии и пообедавши, мы, к неописанной нашей радости, отправлялись в Петергоф, где с восторгом обегивали весь сад и особенно всегда старались видеть Царскую Фамилию, которая всегда летом там проживала. Мы имели счастье видеть, как сама Государыня удочкою ловила рыбу в пруде. В это самое время был там настоящий император германский Вильгельм I. Государь Александр Николаевич тогда был не более 16 или 17 лет. При появлении его Государыня приходила в восторг. При звуке колокольчика выходила рыба наверх и попадала на удочку. Государыня потом и вся Царская Фамилия катались в линейках по саду. Где бы она (Фамилия) ни находилась, всегда была преследуема. Так русский народ любит своих царей и их семейства! К 8 часам вечера, когда публика собиралась ко дворцу, для Царской Фамилии поданы были кресла, в которых просидела она до 9 часов. В 9 часов, когда забили зорю и заиграла музыка „Отче наш“, Государыня сотворила на себе крестное знамение, встала,

¹¹ Здесь несколько подробностей, не имеющих значения и интереса, мы их опускаем.

поклонилась публике и отправилась внутрь дворца. Пред дворцом был устроен театр для приехавшего дорогого гостя, нынешнего императора Вильгельма, и весь сад был иллюминирован. Пьеса давалась китайская, «Киа-Кинг». В это время с нами случилось странное происшествие. Так как матушка, по данному ею обету, не являлась никуда на гуляния, ни на иллюминации, то попросила, чтобы приказчик проводил ее до кареты. А мы остались с отцом, чтобы видеть, когда пойдет Государь и Царская Фамилия. Приказчик, проводивши матушку и возвращаясь оттуда, так как имел привычку очень скоро ходить, почти стремглав бежал и наткнулся прямо на Государя, который ему сказал: „Что ты, братец, так не осторожен?“. Когда он подошел к нам, то не мог слова выговорить от страха и все оглядывался – не ищут ли его. Иллюминация была превеликолепная, или лучше сказать, редкое зрелище. При многоцветных огнях были пущены все фонтаны, вода которых казалась как бы розовою. Поздно вечером мы возвратились в карету и поехали домой.

Петров пост мы кушали рыбу, не разбирая среды и пятка. Весною в Петербурге особенно хороша рыба – ряпушка, корюшка, а в Петров пост ловится отличная лососина и сиги. С лососиною делали ботвинью, из сига уха, из ряпушки и корюшки – жаркое и из свежих огурцов – салат. В Успенский пост мы не кушали рыбы, а постное. 1 августа добывался нам отличный сотовый мед. На Преображение разрешалась рыба. В некоторые годы говели в этот пост. На Преображение начинали кушать яблоки. День Успения мы проводили торжественно, ибо это был наш храмовой праздник, и у нас бывали гости самые близкие. После вечерни подавался десерт из всевозможных ягод. В продолжение лета не мало служило в удовольствие варенье, которое матушка варила в большем количестве для годового обихода. Хотя мы и немного пользовались (вареньем), но зато ягоды нами пожирались в изобилии. Осень проводили мы не скучно: в школу мы ходили при свечах и возвращались при свечах. В школе во время сумерек нам было позволено резвиться, а иногда и танцевали между собою. Вечером большею частью мы писали под диктант. Возвращаясь домой к чаю, мы уже уроками не занимались потому, что в это время мы сидели в школе и там оканчивали их. В зимнее время так же у нас проходило. Когда наступал Рождественский пост, кушали постное, а большею частью рыбу. Матушка во все посты не кушала рыбы по средам и пяткам. К Рождеству Христову нам шили обновки, а в школе за неделю учили рацеи, которые мы должны были сказать пред родителями в день Рождества Христова после литургии, за что получали денежную награду. Эти деньги складывались в особый кошелек, который хранился у матери, и не давались нам ни на какие траты. В эти праздники, в отсутствие отца, мы наряжались по-домашнему, преимущественно в женский наряд. Иван Иванович был за парикмахера...»

На этом обрываются автобиографические воспоминания покойного о. Макария, записанные в 1877 году с его слов иеромонахом Миною. Очевидно, после объявления Русско-турецкой войны, когда прекратились сношения Афона с Россией, на досуге о. Макарий хотел воспроизвести в памяти, в общих чертах важнейшие моменты своей жизни и передать их на бумаге, но затем, по окончании войны, за недосугами он оставил эту свою прекрасную мысль невыполненною и свои воспоминания неоконченными. Но для характеристики самого отца Макария, и именно в его детские годы в этом известном отрывке дано нам все, что необходимо. В приведенном нами отрывке симпатичный образ великого будущего аскета обрисовывается со всей привлекательной рельефностью, которой трудно было бы достигнуть, извлекая черты его жизни из устных рассказов его современников и даже родственников.

Глава II

Жизнь в миру

Быстро промелькнули детские годы о. Макария, а вместе с тем и годы его воспитания и обучения. Если еще и ныне, при всеобщей воинской повинности, богатое купечество редко проводит своих детей через гимназии и университет и ограничивает их воспитание лишь городскими школами и редко реальными гимназиями, чтобы приобрести некоторые права на льготы при отбывании воинской повинности, то тем с большим правом могли так рассуждать коммерческие люди тридцатых и сороковых годов истекающего столетия. «Рекрутская квитанция» в ту пору вполне гарантировала свободу от военной службы купеческих детей, сколько бы их ни было у отца семейства. Иван Дионисьевич Сушкин не представляет исключения из ряда коммерсантов того времени. Он порешил, имея при этом и свой личный опыт, что *пяти лет* обучения в частном пансионе достаточно для того, чтобы из мальчика, особенно прилежного, вышел прекрасный «подручный» человек и хороший помощник в торговле, а «в своем глазе» Иван Дионисьевич, при сложности своих торговых операций, крайне нуждался. В частности, в представлении Ивана Дионисьевича его Миша был достаточно выучен и имел уже право считаться образованным коммерсантом. Он «читал хорошо, арифметику знал исправно» и быстро умел переводить денежные иностранные курсы на русские и обратно, что при сделках с иностранцами, с которыми главным образом велась у Сушкиных торговля, было большою находкою для Ивана Дионисьевича. Эти познания своего сына в математике с коммерческой точки зрения отец оценил должным образом и через это даже стал оказывать к нему некоторого рода благоволение.

Итак, на четырнадцатом году своего возраста о. Макарий прямо со школьной скамьи попал в самый кипучий водоворот жизни, т. е. вступил, как он выражается, «в коммерческий круг», доселе ему знакомый лишь понаслышке. Из мальчика он сразу превратился в юношу, Михаила Ивановича, сделался «подручным» человеком отца, а для посторонних «хозяйским сыном» или даже настоящим хозяином. Резким и в высшей степени тяжелым показался такой переход для Михаила Ивановича. Из его памяти еще не изгладились воспоминания о родительских подзатыльниках и окриках, которыми часто наделял отец, редко появлявшийся в семье, в период детского воспитания, а теперь ежечасно и ежеминутно предстояло быть на глазах требовательного и строгого отца. Поэтому Михаил Иванович на первых порах своей деятельности коммерческой «всего боялся», опасался за каждый свой шаг, за каждое свое неосторожное слово. Не будучи знаком с доброю товаров и с их ценами на бирже, он боялся спросить своего отца о том и другом, чтобы не раздражить его или не обидеть, а обращаться за разъяснениями и справками к приказчикам он не хотел, так как, по юношескому и, пожалуй, по природному гонору, в глазах их он старался соблюсти свое хозяйское реноме, свой авторитет, который, как ему казалось, этим уже подрывался. «В товарах ценность более старался сам узнать, — пишет о. Макарий в своем дневнике, — но спрашивать стыдился и боялся». Вскоре же Михаилу Ивановичу представился случай разыграть роль уже настоящего хозяина.

В 1836 году в ноябре месяце Иван Дионисьевич с супругой отправился в Москву на свадьбу старшего сына Василия Ивановича, который сосватал себе девушку «образованную, с благородной душой, но в высшей степени занятою собой» из фамилии Гжельцевых. Дома хозяином оставлен был Михаил Иванович. Казалось бы, что теперь вне отцовского глаза он мог бы пожить свободнее и в свое даже удовольствие, но на самом деле не так было. К великому огорчению Михаила Ивановича в доме родителей в это время проживал случайно для излечения глаз слепой дядя по отцу Кондратий Дионисьевич, который, по своему болезненно раздражительному характеру, «на каждом шагу обижал, кричал, бесился, сам не зная за что» на своего

племянника. Положение в доме скромного и впечатлительного Михаила Ивановича казалось для него невыносимо тяжелым, и он начал «упадать духом». К этому нужно присоединить и то, между прочим, обстоятельство, что в доме он был совершенно одинок и решительно не находил по душе себе человека, которому бы мог поверить скорби своего нежного доброго сердца, потому что единственно симпатичный ему человек брат Иван Иванович, с которым он «жил довольно ладно», оставил родительский дом еще год тому назад, и оплаканный им, уехал в Тулу для помощи деду. Душевные муки впечатлительного до болезненности юноши убились совершенно неожиданным и непонятным образом для него самого. «1836 года декабря 18 числа Зимний дворец сделался жертвою пламени. Я, – замечает о. Макарий, – страдал за потерю царскую не лучше, сам не зная отчего». Среди этих тяжелых душевных мук, едва понятных в мальчике четырнадцати лет, единственным для него развлечением служило «чтение духовных книг», так как, по его собственному выражению, его «мысль более и более распространялась к духовному». За чтением юноша забывал о житейских тревожениях и неприятностях, так рано выпавших на его долю и для борьбы с которыми у него не было ни жизненного опыта, ни собственных еще не раскрывшихся нравственных сил. Мысль его витала в мире идеальном, где жизнь с ее суетою и скорбями была далеко за крепкими монастырскими заборами, где царствует братская любовь и вечная благодатная тишина, где денно и ночью люди подобно ангелам от глубины своих сердец воссылают горячие молитвы к Творцу своему... Большим контрастом для идеалиста юноши казалась, после этих сладостных грез и мечтаний, жизнь, его окружающая, серая действительность с ее постоянными буднями, и невольно для него самого «мысль его озарялась неземным желанием – быть последним рабом какой-нибудь обители». Правда, о. Макарий об этом своем юношеском желании замечает, что оно «посеялось видно на камени», т. е. не перешло в область действительного, не осуществилось тотчас же на деле, так как «солнце – частые посещения гостей дяди и из больницы и других – его развлекали», но на самом деле едва ли не это именно «неземное желание» и заронило в душу будущего аскета ту искру небесного огня, которая до времени лишь тлела, но потом, спустя долгое время, совершенно непонятным также для него самого образом, вдруг вспыхнула ярким пламенем, охватившим все его существо и поднявшим со дна его души полусознательное юношеское желание до такой высоты, что он на деле, самым настоящим образом взялся осуществить свои юношеские мечты и, как показала его жизнь, успел и сумел их осуществить.

Тяжело жилось Михаилу Ивановичу в одиночестве, но мало сулило радостей ему и возвращение из Москвы в Петербург его родителей. Отец по приезде тотчас же потребовал точный отчет во всех деловых оборотах и произвел строгую ревизию кассы, в которой обнаружил, к великому огорчению Михаила Ивановича, недочет 290 рублей ассигнациями. Вина в этом всецело пала на бедного юношу за его недосмотр. «Меня отец бранил и обижал, а я скорбел», – замечает о. Макарий в дневнике, потому что считал себя совершенно неповинным в данном недочете. Несколько позже обнаружилось, что виновником в данном случае был дядя Кондратий Дионисьевич, который, по слепоте своей, выдавал нередко прислуге вместо двугривенного по золотому.

Следующие два года своей жизни о. Макарий прямо называет «самыми неприятными» по случаю тех раздоров, которые шли в доме Ивана Дионисьевича между ним и его братом Кондратом Дионисьевичем вместе с его женою, женщиною «серого характера», доводившей кроткую Феодосью Петровну до положительной «истерики».

В 1840 году, по случаю страшного пожара вследствие поджога неизвестных злоумышленников в Туле, причинившего убытков на 200 тысяч ассигнациями, Иван Дионисьевич оставил Петербург и отправился к своему отцу. Хозяином в доме вторично был оставлен Михаил Иванович. Но после некоторого навыка и практической опытности этот второй дебют в роли ответственного хозяина оказался вполне удачным. Исполняя со всем усердием возложенную на него

отцом тяжелую «комиссию», Михаил Иванович «старался заслужить доверие иностранцев и купечества» и по возвращении отца в Петербург все «дела сдал благополучно». Торжествуя свой успех в выполнении возложенной на него «комиссии» отцом, Михаил Иванович вскоре пережил несколько иных счастливых дней, о которых не преминул упомянуть в своем дневнике. 8 сентября он «удостоился видеть въезд в С.-Петербург великой нашей будущей Царицы Марии Александровны – добродетель была написана на ее лице», а затем 6 декабря «удостоился быть во дворце при обручении, видеть торжественный вход в церковь, приложиться к десной руке св. Иоанна Крестителя и видеть во всей славе своего Царя – Отца...».

Концом сорокового года жизнь петербургская Михаила Ивановича оканчивается, и с этого времени он уже никогда не видал нашей невисской столицы. В последних числах декабря месяца он, хотя не без горьких слез и скорбей при расставании с родителями, но с сознанием, что «без скорби мы не делаемся людьми», покинул Петербург и вместе со старшим братом Василием Ивановичем через Москву отправился в Казань, где Сушкины закупали сырье. Свой приезд 12 января 1841 года в Казань Михаил Иванович приветствует в своем дневнике следующим интересным восклицанием: «Так началось для меня новое житие, *может быть, к лучшему!*».

Но увы! Михаил Иванович жестоко ошибся в своих ожиданиях. Жизнь казанская если не была хуже петербургской, то уж во всяком случае не лучше этой последней. Характер брата Василия Ивановича во многом напоминал характер его отца, через суровую школу которого он прошел и от которого успел многое позаимствовать для своей будущей деятельности даже и несимпатичного. К тому же Михаил Иванович далеко не был симпатичен своему старшему брату¹². Неудивительно поэтому, что жизнь казанская казалась положительно несносной для Михаила Ивановича, так как повторились те же огорчения и неприятности, какие он пережил в Петербурге, но с той разницей, что там все это выходило от отца, беспрекословное повиновение которому он считал для себя святою обязанностью, а здесь карающим лицом являлся его родной брат всего несколькими годами старше его. Нетрудно понять разницу и внутреннего душевного состояния в обоих положениях. «Брат меня обижал на каждом шагу, – читаем мы в дневнике, – и даже позволил (т. е. обижать) Александру», племяннику дяди Михаила Дионисевича, приехавшему вместе с ними из Москвы. «В мае месяце мы, – говорится далее, – переехали на сушильный завод. Там жил грустно. Брат возложил на меня приемку кож и разборку, не показывая (т. е. как это делать). За самую безделицу строго взыскивал. Наконец мы ошиблись планом кожи, но поистине ошибся Александр, а вину свалили на меня. Когда у нас бывали гости, то я подавал им и дожидал, покуда (они) разъедутся». В таком приниженном забитом положении, при полном отсутствии «приятелей и знакомых», чем мог привлекать город «прекрасный и торговый» несчастного юношу? Где у кого мог искать он руку помощи, чтобы скорее настал желанный час» выхода из него. «Я скорбел, – пишет юный страдалец, – и в скорби прибегал к общему Утешителю... В это время, переделывая в Казани собор, нашли часовню, где молился св. Гурий и там образ Спасителя нерукотворный, написанный им самим на стене, и скамейку, которая вся истлела. Туда в моем горе я часто ходил молиться и просил, чтобы мне избавиться от Казани». Молитва его, наконец, была услышана покровителем и просветителем Всея Казанския Земли и «желанный час разлуки с Казанью для Михаила Ивановича настал скорее, чем можно было предполагать. Но, к его огорчению, и этот час не был освобождением навсегда от новых унижений и оскорблений со стороны его «старших». Осы-

¹² Значительно позже, после уже поступления о. Макария в монахи, отношения Василия Ивановича к брату радикально изменились. Его отец Макарий называл даже ангелом. «Милым моим братьям кланяюсь до земли за сосуд, – пишет о. Макарий к матери от 11 октября 1852 года. – *Не знаю, как брата Василия Ивановича и благодарить; он стал по мне, как ангел Господень, его не оставит и Царица Небесная за утешение меня, грешного.* Право, как ребенок я теперь всякой малости рад, а особо от вас. Сосуд прекрасный, у нас в обители первый. Поблагодари, матушка, его за меня». Братья Василий Иванович и Петр Иванович навещали, и даже неоднократно, о. Макария на Афоне для свидания с ним.

паемый «часто бранью» со стороны брата в самое «последнее время», пред выездом из Казани, он и не предполагал, что впереди его ожидают новые испытания и новые огорчения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.